

Лушневская Екатерина Владимировна
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой
e-mail: k.lushneuskaya@psu.by

Германо-славянские параллели сюжетов о валькириях

***Аннотация.** Образ валькирии из славянского фэнтези М. Семеновой «Валькирия», отсылающий к германо-скандинавской мифологии, позволяет искать параллели между двумя древними мировоззрениями. У героини анализируемого произведения непростая судьба, роднящая ее с девой-воительницей. Она, подобно германо-скандинавской валькирии, уносит с поля боя полуживого воина, своего возлюбленного. Встреча с возлюбленным лишает ее валькирических черт, превращая, подобно Сигдриве из «Старшей Эдды», в простую земную женщину.*

***Ключевые слова:** валькирия, славянское фэнтези, германский эпос, мифология, судьба.*

***Abstract.** The character of Valkyrie from M. Semenova's Slavic fantasy "Valkyrie", which refers to Germanic-Scandinavian mythology, allows us to look for parallels between two ancient worldviews. The heroine of the analyzed work has a difficult fate, which makes her a warrior maiden. She, like the Germanic-Scandinavian Valkyrie, takes away from the battlefield a half-dead warrior, her lover. The meeting with her beloved deprives her of her Valkyrie features, making her, like Sigdriva from the Elder Edda, a normal earthly woman.*

***Keywords:** Valkyrie, Slavic fantasy, Germanic epic, mythology, fate.*

Поиском взаимосвязей в германской и славянской культурах на основе древних сюжетов на протяжении нескольких десятилетий занимаются медиевисты. На сегодняшний день данная проблема продолжает вызывать интерес у исследователей постмодернистской литературы. Наиболее плодотворной почвой для поиска новых параллелей стал популярный как в кинематографе, так и в литературе, жанр фэнтези. Древнеславянское фэнтези изначально вторично по отношению к западноевропейскому жанру. М.Н. Эпштейн подчеркивал, что свойство вторичности – «усиливать черты подлинника, поскольку он берется не как часть более обширной и сложной действительности, где он сплетен со многими другими явлениями, а как вырванный из контекста знак самого себя» [1]. Т.И. Хоруженко указывает, что «фэнтези, тесно связанное в западноевропейской культуре с эпосом и германо-скандинавской мифологией, на русской почве оказалось лишенным

корней и превратилось в “знак самого себя”» [2, с. 3]. Примечательно, однако, наличие в славянском фэнтези образов другой культуры. Одним из таких образов стал образ валькирии.

Валькирии как определяющие жребий судьбы мифологические существа не раз становились героинями не только сказаний и легенд как древних эпических жанров, так и современных фантастических. Согласно германо-скандинавской мифологии, валькирии сопровождали убитых воинов в Вальгаллу. Иногда валькирии могли повлиять на исход битвы, выбрав победителя. Валькирии наделялись способностью вершить судьбы героев. В статье, посвященной сравнительному анализу западногерманского и скандинавского валькирического мифа, Н.А. Ганина пишет, что для западногерманского мировоззрения характерна связь валькирии со смертью, а не с избранием героя [3, с. 114]. Н.А. Ганина, таким образом, подчеркивает отрицательное значение образа валькирии, явившейся воину в сражении.

Мифический образ валькирии, как правило, – это одинокие, наделенные некоторым даром, девы-воительницы. В данном случае уместно отождествление валькирий с норнами, прядущими нить судьбы и обладающими даром предсказаний [2, с. 175]. Так, появление валькирии на поле боя сулило воину скорую гибель от меча врага и его дальнейшее сопровождение валькирией в мир мёртвых. Иное дело, когда «крылатая дева», мчащаяся по воздуху и морю, превращается в обычную смертную женщину. В литературных памятниках встречаются образы валькирий, представительниц человеческой расы, обладающих не-валькирическими чертами.

Образ девы-воительницы, валькирии хорошо известен из германо-скандинавской мифологии. Германские легенды, возникшие в эпоху великих переселений на континенте, были занесены и распространены на Скандинавском полуострове, а с приходом христианства сохранились почти нетронутыми в отличие от полностью уничтоженных как реликты язычества легенд на территории, заселенной германскими племенами. На древнеисландском языке «валькирия» (*valkyrja*) означает «выбирающая убитых», причем сама она не является участницей битв. Такой мы видим Сигрдриву в «Старшей Эдде»: в военном облачении она присуждает победу воину, предначертанному победить или иногда проиграть, вопреки воли Одина [4, с. 75].

Известен из «Старшей Эдды» и образ валькирии Брюнхильд. Наличие в ней сверхчеловеческих черт, позволяющих сравнивать ее с валькириями и норнами, детально изучает Н.Ю. Гвоздецкая в статье «Валькирический миф в женских образах “Старшей Эдды”» [5, с. 90–94].

В «Песни о Нибелунгах» данный образ получил свое дальнейшее развитие. Здесь дева-воительница Брюнхильда наделена богатырской силой, позволяющей одерживать победу над своими женихами. Находится Брюнхильда “за морем”,

то есть является выходцем из другого мира. Она не дарует победу, но сама является всепобеждающей, наводящей ужас и приносящей гибель. Как и Сигдрива, Брюнхильда становится обычной (земной) девой, когда после брачной ночи теряет свою сверхъестественную, мифическую, силу. Земным валькириям, лишенным сверхъестественных качеств, как правило, не суждено определять исход битв и победителей.

Образ земной валькирии из славянской мифологии можно найти в славянском фэнтези. В своем произведении «Валькирия» (1995) М. Семенова изображает обычную девушку с нелегкой судьбой, которая хочет встретить возлюбленного, образ которого постоянно сопровождает ее сны и мысли. В одном из интервью М. Семенова отметит: «Меня в данном случае интересовало, что получится с девушкой, которая ну никак не вписывается в рамки, предлагаемые ей родовым строем. Она бесконечно комплексует, ощущает себя белой вороной, но и переломить себя не может. <...> Я просто до некоторой степени облегчила ей жизнь, сделав её богатыршей, охотницей, личностью сильной (в том числе физически) и смелой – чтобы не погибла за первым же углом» [6].

Детство главной героини фэнтези было непростым, словно жизнь с самого начала подготавливала ее стать настоящей девой-воительницей. Изначально у Зимы Желановны складывались сложные отношения с родителями: отец рано ушел из жизни, оставив заботы о младших сестрах Зиме Желановне. Мать девочек, обремененная домашними хлопотами, также надеялась на помощь старшей дочери. Сложно было в словенской семье без крепкого помощника. Еще до рождения «валькирии» был проведен обряд, исход которого никак не предрекал рождение дочери, отчего само рождение Зимы Желановны оказалось неожиданным, если не сказать нежеланным: «Увязали хлеб в шубу и подняли наверх вместе с матицей, потом перерубили верёвку и стали смотреть, как упадёт. Вещий хлебушко лёг славно, верхней корочкой кверху – к мальчишкам. Радовался отец, песни пел, выглаживая люльку для сына... но первенца подменили у матери в животе, и родилась я. Дядькины сыновья долго потом не желали считать меня за сестру, дразнили – ведьмин подкидыш...» [7, с. 8]. Поверье о нежелательном рождении девочки уходит корнями в глубокую древность. В исландских сагах, например, часто встречаются указания на случаи “оставления” детей, чаще девочек. Согласно данной практике, “детей просто оставляли на открытом воздухе на произвол судьбы” [8, с. 40]. Обнаруженные захоронения с руническими надписями на камнях свидетельствуют об упоминании большинства мужчин, а не женщин. С одной стороны, это могло указывать на то, что лиц женского пола, достигших старости, оставалось сравнительно меньше, так как многие из них были принесены в жертву еще во младенчестве, с другой стороны, женщины могли быть просто не достойны упоминания на рунических камнях. И тот и другой факты свидетельствуют о том, что рождение

дочери так или иначе было нежелательным в семье, что характерно не только для древнескандинавской, но и древнеславянской культур. Воспитание девочек было более затратным, а физической помощи они могли оказать значительно меньше.

Словенская девочка, героиня романа М. Семеновой, была названа Зимой, что будто определило ее холодность и колкость характера. Желановной девочка стала по отцу. Интересно, что в семье отца сыновей звали Желан и Ждан. Во всем роде ждали и желали рождения наследника! Дядя по отцовской линии, как это полагалось по древним обычаям, взял опеку над Зимой и ее сестрами после смерти их отца. Жила Зима, почитая свой род, а когда умер отец, стала надежной помощницей в доме и защитницей своих младших сестер. Однако чувство ненужной и чужой в родной семье не покидало Зиму, и с приходом в деревню варяг усилилось и подтолкнуло девушку покинуть отчий дом.

Крепкая связь с предками, верность Роду и вера в судьбу долго не давали принять важное для себя решение. Но вот Зима решилась. И последовал длительный путь ее становления как девы-воительницы.

В романе Марии Семёновой мы имеем дело с земной валькирией, черты мифического существа выходят на второй план и угадываются в течение развития повествования, но уже после этого становятся очевидными при развязке произведения. Но даже заключительная сцена показывает нам не мифические черты валькирии, а ее земную сущность, способность любить и быть помощницей воину, что отдаленно напоминает Сигдриву из «Старшей Эдды». Однажды Зима сравнивает себя с березой, которая не цвела и неохотно зеленела: «Словно не жила вовсе, а томилась в тягостном колдовском сне, где не было ни пробуждения, ни смерти...» [7, с. 15]. Очевидно, автор отсылает к образу спящей красавицы или к образу погруженной в вечный сон Сигдривы, пребывающих в состоянии полужизни-полусмерти с надеждой на появление спасителя. Только тот, кто не знает страха, сможет пробудить деву. Так произошло и с Зимой. Кроме метафорической отсылки ко сну как длительному ожиданию, в произведении присутствуют сны, в которых всегда был Тот, кого Зима всегда ждет.

Судьбоносной встречей для славянской валькирии является приход ладожских варяг, после которого Зима почувствовала себя «отрезанным краем» [7, с. 21], а когда корабль отплыл, «ясно увидела саму себя в броне, в добром шеломе и со щитом» [7, с. 33], в тот момент это было мечтой, которой суждено было стать явью.

Однажды она покидает отчий дом, оставляя там свою прежнюю жизнь, свой род. Неспроста героиня сравнивает этот эпизод своей жизни со смертью: «У нас так об умерших говорили: ушел из рода совсем!» [7, с. 52]. Подобное встречаем и в судьбе Сигдривы, обреченной на одиночество и отвергнутой Одним.

Символичной является заключительная сцена романа. Здесь мы видим, как в Зиме Желановне проявляются валькирические черты, роднящие ее образ как с образом Сигдривы, так и с образом Брюнхильды.

Главная героиня спасает Мстивоя в полночь Самхейна, когда тот погибал для предыдущей жизни, обессиленный, стоя привязанным к березе. Если бы не решение Зимы, стоять бы ему до скончания века. Но героиня срезает его путы, тащит на себе под укромный шатер ели, укутывает в собственные одежды и мчится за помощью [4, с. 78]. Перед уходом Зима отрезала свою косу и положила ему в руки: «Дождись!» [7, с. 352] – и зажгла огонь в честь Перуна, как нить Ариадны, связавшая его с земной жизнью, нить, за которую он цеплялся, чтобы жить. Так валькирия, словно вырывает его из когтей смерти и дарует ему жизнь. Неспроста в ту ночь отмечался праздник Самхейна, или Самайна⁹, который был связан со сменой сезонов года и иногда назывался «праздником мёртвых»: считалось, что в эту ночь умирают люди, нарушившие свои гейсы, и занавес между мирами приоткрывается. Зима знала, что Мстивой нарушил все данные ему запреты, и знала, что «нарушивший их встречает скорую смерть» [7, с. 119].

Валькирия из германо-скандинавской мифологии, как правило, появляется не часто, в ответственный момент битвы, когда воин готов перейти в мир иной. Вот и славянская валькирия не может оставить своего возлюбленного и отправляется на его спасение. Ценою собственной жизни она отказывается от прежней свободы, веря себя Тому, кого всегда ждала, и превращается из воина в любящую девушку. Ей не впервой сталкиваться с превратностями судьбы. Она обязательно должна выйти победительницей. Таким образом, образ валькирии из романа М.В. Семеновой близок «земному» валькирическому образу Сигдривы и Брюнхильд, когда независимая героиня из девы-воительницы превращается в обычную девушку благодаря встречи с любимым.

Литература

1. Эпштейн, М.Н. Истоки и смысл русского постмодернизма / М.Н. Эпштейн // Звезда. – 1996. – № 8. – С. 166–188.
2. Хоруженко, Т.И. Русское фэнтези: на пути к метажанру : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Т.И. Хоруженко. – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2015. – 24 с.
3. Ганина, Н.А. Валькирия: к генезису мифа и специфике древнегерманских ареальных традиций / Н.А. Ганина // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. – М. : Индрик, 2005. – 336 с. – С. 104–117.
4. Лушневская, Е.В. Образ валькирии в славянской и германской мифологии / Е.В. Лушневская // Гугнинские чтения [Электронный ресурс]: электронный сборник статей I Международной научной конференции, Полоцк, 5–6 мая 2022 г. / Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой. – Новополоцк, 2022. – С. 73–79.

⁹ «Ночь на Самайн была самым напряженным и значимым временем в году. В средневековой ирландской литературе пир Самайна (в ночь на первое ноября) как пограничное время отмечал начало зимы, темной, неблагоприятной половины, с которой начинался год. Потусторонний мир и сиды были открыты в ту ночь и злые силы хаоса господствовали в мире» [9, с. 52].

5. Гвоздецкая, Н.Ю. Валькирический миф в женских образах «Старшей Эдды» / Н.Ю. Гвоздецкая // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев ; отв. ред. Т.А. Михайлова. – М : Индрик, 2005. – С. 78–102.
6. Линчевский, И. Валькирия – Интервью с Марией Семеновой / И. Линчевский. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://web.archive.org/web/20100325171008/http://www.semenova.olmer.ru/>. – Дата доступа : 04.04.2022.
7. Семёнова, М. Валькирия: [роман, повести] / М. Семёнова. – М. : АСТ; СПб. : Азбука, 2008. – 541 с.
8. Фриксдоттир, Й.К. Валькирии. Женщины в мире викингов / Й.К. Фриксдоттир. – М. : АСТ, 2022. – 320 с.
9. Бондаренко, Г.В. Повседневная жизнь древних кельтов / Г.В. Бондаренко. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 396 с.